

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.20>

Юровицкая Лариса Николаевна, Юровицкий Станислав Витальевич

МОДАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ И В АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В статье рассматривается категория модальности в философии и современной лингвистике. Дается обзор некоторых лингвистических теорий по проблеме модальности с указанием спорных методологических моментов существующих типологий. Проводится анализ конечных оснований модальности, результаты которого используются для выстраивания принципиально нового понимания этой категории в языкознании. Предлагается методология модальной типологии в языке, основанная на классическом понимании модальности в философии. Делается вывод об эквивокальном характере философской и лингвистической методологии для решения смежных задач субсистемального характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 102-107. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Семенкова С. Н. Влияние морально-нравственных качеств на профессиональное становление человека // Агропродовольственная политика России. 2015. № 3. С. 73-75.
7. Семенкова С. Н. Социальная работа. Вчера, сегодня, завтра (на примере Тюменской области) [Электронный ресурс]: учебное пособие. URL: <http://www.iprbookshop.ru/52024.html> (дата обращения: 05.04.2019).
8. Табуркин В. И., Доронина М. В. Основы философии: вопросы теории и методологии: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменской гос. сельскохозяйственной академии, 2008. 406 с.
9. Табуркин В. И., Доронина М. В. Основы философской науки: вопросы истории и теории: учебное пособие. Тюмень: Изд-во ГАУ Северного Зауралья, 2013. 348 с.
10. Bannykh S. G., Doronina M. V., Novoselova M. A., Semenkova S. N., Taburkin V. I., Turov R. S. System Grounds of Social Management Theory // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. Vol. XXXV. № 138. P. 1173-1179.
11. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1085837> (дата обращения: 11.04.2019).
12. <https://www.litmir.me/br/?b=139670&p=1> (дата обращения: 25.03.2019).
13. Semenkova S. N., Doronina M. V., Taburkin V. I. Social and Psychological Aspects of Environmental Consciousness // Journal of Environmental Management and Tourism. 2018. Vol. 9. № 3 (27). P. 576-580.

PARADOXICALITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AS A RESULT OF SUBJECTIVITY OF INDIVIDUAL PERCEPTION

Semenkova Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Gagarin Evgenii Maksimovich
Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen
semenkova.svet@yandex.ru

The article considers the examples of scientific knowledge paradoxicality, which manifests itself in the following ways: perception of science in general, development of scientific knowledge and inconsistency of scientific methods. The authors' attention is focused on analysing the paradoxicality of certain scientific conceptions and psychological and pedagogical processes. The paper identifies the role of subjectivity in scientific knowledge formation, analyses the influence of individual peculiarities on the process of scientific search and examines the means to reduce subjectivity influence on the development of new spheres of scientific knowledge.

Key words and phrases: paradoxicality of scientific knowledge; subjectivity of individual perception; theoretical level of science; empirical knowledge; scientific terms; scientific conceptions; subjectivity of cognition; constructivism; destructivism; unified approach.

УДК 1:5; 1:6; 001.8:5; 001.8:6

Дата поступления рукописи: 18.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.20>

В статье рассматривается категория модальности в философии и современной лингвистике. Дается обзор некоторых лингвистических теорий по проблеме модальности с указанием спорных методологических моментов существующих типологий. Проводится анализ конечных оснований модальности, результаты которого используются для выстраивания принципиально нового понимания этой категории в языкознании. Предлагается методология модальной типологии в языке, основанная на классическом понимании модальности в философии. Делается вывод об эквивокальном характере философской и лингвистической методологии для решения смежных задач субсущенциального характера.

Ключевые слова и фразы: модальность; язык; мышление; языковая семантика; действительность; возможность; реальность.

Юровицкая Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент
Самарский государственный технический университет
yuro-lari@mail.ru

Юровицкий Станислав Витальевич, к. филос. н.
Самарская государственная областная академия (Наянковой)
yustas79@yandex.ru

МОДАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ И В АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Sermo generatur ab intellectu et generat intellectum [1].

П. Абеляр

Многообразие феноменов универсума ставит перед разумом неизбежный вопрос об их кодификации, попытки которой начинаются с IV века до н.э. Вслед за этим неизбежно возникнет вопрос об истинности кодифицирующих форм в их соотношении со своим объектом. Мышление как таковое воспринимает мир не в качестве истинного объекта, а в качестве некоторого набора символических форм, образуя, тем самым, эйдетиическое восприятие. Особенность мышления, данного нам в опыте, заключается в том, что оно не может существовать в-себе и для-себя, поскольку не представляет из себя субстанциального феномена, а является субсущенциальной сущностью, которая актуализируется всегда в единичном.

Целью этой работы является попытка создания философско-методологических оснований для дальнейшего развития теории модальности в лингвистике. Последние успехи естественных наук в области изучения человеческого организма, мышления и вообще универсума ставят перед философией и лингвистикой задачу создать максимально отвечающую современным общенаучным тенденциям теорию выражения человеком объективной картины мира. В данной статье мы следуем наиболее **актуальной** тенденции развития и в российской, и в мировой науке. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка философского осмысления современных лингвистических типологий понятия «модальность» в английском языке. Кроме того, предлагаются новые критерии категоризации этого феномена.

Незамкнутость мышления в себе проявляется в первую очередь в необходимости выражения результатов или процессов собственной деятельности. Таким выражением безусловно является язык, который возникает как неизбежный эффект развития мышления. Уже во времена классического эллинизма Стагиритом был поставлен вопрос о тождестве означающего и означаемого, языка и вещи, феномена и ноумена. Более того, он формулирует вопрос о соотношении мысли и феномена, который решается им в реалистическом ключе. В эпоху статуарной веры указанная задача перерастает в знаменитый спор об универсалиях, решаемый через оппозицию реализма и номинализма. Условное решение проблем универсалий заключается в концептуализме, который был положен в основу последующей новоевропейской науки. Однако проблема отражения универсума в языковых формах окончательно не решена и в современности. Это происходит не только в силу кризиса общетеоретической мысли, но и в силу постоянно расширяющегося базиса чисто фактологических знаний, отражающих освоение мышлением какой-либо области феноменального мира. Также следует отметить, что негативную роль в решении этого фундаментального вопроса сыграла спецификация научного знания, что самым деструктивным образом сказалось на его генерализирующем и теоретическом потенциале. Таким образом, поставленные, но окончательно не решенные классической лингвистикой задачи никак не могут быть решены с помощью существующей современной методологии. Тем не менее, основываясь на принципе гносеологического оптимизма, мы полагаем, что их решение возможно. По крайней мере, возможно возвращение классического стиля мышления, преодолевающего искусственно созданную с середины XVIII века междисциплинарную дистанцию. Напомним, что еще в XVII веке мировоззренческой дистанции между философией и физикой не существовало. Вопросы языкознания также считались одним из важнейших разделов как философии, так и теологии. Из сказанного становится очевидным, что решение базовых вопросов лингвистики требует компилятивной общетеоретической базы из различных дисциплин, поскольку феномен во всей своей полноте постигаем через свои модусы, которые, в том числе, могут и не отражать его сущности, являясь для него акциденциями. Это означает, что язык проявляется и в неязыковой сфере, и, следовательно, его сущность принципиально непознаваема одним только лингвистическим инструментарием. Мы считаем, что сложившееся в науке представление о непреодолимом разделении дисциплин на гуманитарные, точные, естественнонаучные и т.д. во многом порождено деятельностью французских энциклопедистов, преследовавших сиюминутные социальные цели. При всем различии задач, целей, проблем и методов отдельных групп дисциплин, в их основе лежат неизменные законы мышления и логики, не меняющиеся принципиально в зависимости от того, к какой группе задач они применяются. Поскольку в данной статье мы обращаемся к одной из фундаментальных проблем языкознания, мы считаем целесообразным использовать не только лингвистическую, но и философскую базы для ее решения. В качестве таковой предполагается использовать онтогносеологию и философию языка как наиболее близкие к языкознанию области философии.

Так или иначе, но язык всегда вторичен. Он всегда зависит от той области сущего, которую он отражает. То есть язык отражает действительное, нечто уже реально сущее. Даже когда реципиент сталкивается с языковыми играми, лишенными видимой семантической значимости, язык по-прежнему будет отражать действительность, но действительность не семантическую, а грамматическую, пунктуационную, морфологическую и т.д. То есть логика высказывания сохранится, перейдя из семантической в формальную.

Однако универсум не ограничивается областью действительного. Учение о бесконечных мирах предполагает область потенцированного, то есть область возможной феноменальности универсума. Кроме того, любая вещь обладает рядом атрибутов для того, чтобы быть с необходимостью. Эта проблема исследовалась Джордано Бруно и называлась им “*minimum minimorum*” – «необходимый минимум мира». Таким образом, область сущего состоит из трех модусов его бытия: возможность, действительность и необходимость. Указанные понятия именуются модальностями, и любое понятие или феномен могут быть рассмотрены как возможные, действительные и необходимые. В этом заключается смысл модального анализа.

Как уже отмечалось ранее, язык имеет дело с областью действительного. Однако в своей эйдетической сущности он может обращаться к тому, чего в действительности не имеется, но имеется в реальности, а именно к возможности и необходимости. Сущность языка как феномена всегда будет детерминирована атрибутами, восходящими к некоторой иной сущности более общего порядка. Но вместе с тем, невзирая на свою онтологическую вторичность по отношению к ней, язык всегда будет стремиться отразить ее в умопостигаемой форме. Поскольку реальность не сводится к существованию только отдельных вещей-в-себе, а есть некоторая процессуальность, т.е. действие, то основную роль в языке играют формы, отражающие какое-либо действие, то есть глаголы. Однако состояние, которое также есть некоторый процесс, может и не существовать в качестве наличного. Оно может быть возможным, то есть тем, чей переход в область данного детерминирован некоторыми внешними по отношению к нему обстоятельствами, которые необязательно произойдут с необходимостью.

С другой стороны, нечто уже существующее полагает в своей основе некоторую необходимость согласно закону достаточного основания. Из всего вышесказанного становится очевидным, что реальность разделяется на:

1. Возможное.
2. Действительное.
3. Необходимое.

Эти категории, составляя субсистенциальное единство, суть *модусы* реального. Это означает, что наиболее адекватным и полным образом язык отражает объективный универсум тогда, когда оперирует формами, представляющими процессуальность в том или ином ее модусе. Таковыми являются модальные глаголы. Эти формы выражения модальности относятся не к семантической, а к эйдетической стороне языка, отражающего соотношение пространственных, временных и материальных факторов, выражающихся в субсистенциальном синтезе в той или иной модальности. Из сказанного становится очевидным, что модальные формы присутствуют в языке с необходимостью. Еще в XVII столетии эта проблема косвенно упоминается в знаменитой грамматике Пор-Рояля и в сочинениях Лейбница (к примеру, в «Теодицее...» [9] и «Новых опытах о человеческом разумении» [8]).

В современной лингвистике модальность остается одной из самых актуальных тем. До сих пор не выработано единого понимания и определения модальности в связи с неисчерпаемостью как собственно этого понятия в языке, так и общей типологии средств его выражения. Этой проблемой занимались такие известные отечественные исследователи, как О. С. Ахманова, Е. И. Беляева, Н. Ю. Шведова, В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, И. Р. Гальперин, М. В. Зайнулин, В. З. Панфилов; зарубежные исследователи О. Бенвенист, Ф. Палмер, Ш. Балли и многие другие. В отечественной лингвистике модальность трактуется в основном либо как функционально-семантическая, либо как текстовая категория. К сожалению, в отечественной англистике нет работ, посвященных проблеме модальности как исключительно грамматической категории, а между тем именно такое понимание этой категории должно, наш взгляд, являться исходным для изучения проблемы модальности в языкознании вообще. Отметим, что подавляющее большинство исследователей сходится в том, что до настоящего момента единого определения модальности, которое было бы признано всем научным сообществом, не существует. Более того, лингвисты практически единогласно признают, что языковая модальность – это весьма неопределенная категория, которая может трактоваться очень широко. Казалось бы, из этого должен был бы следовать вывод о невозможности общей номинальной дефиниции и, как следствие, неизбежности специфирования понятия. Тем не менее существует общепринятое понимание проблемы модальности, которое вытекает из определения, приводимого в «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание»: это «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [4]. Из этого следует, что один из множества аспектов проблемы модальности (отношение высказывания к действительности и субъективная квалификация) выдается за ее атрибут, подменяя тем самым общее частным. Хотелось бы отметить, что высказывание, будучи безличным и обезволенным (поскольку оно не есть существо), не может обладать никаким «отношением к действительности». Если же допустить, что авторы определения имели в виду то, как соотносится высказывание с действительностью, тогда придется признать, что эта проблема вообще лежит за пределами языкознания, ибо проблема действительности есть область деятельности совершенно иных дисциплин – физики, философии, астрономии и др.

Данное определение является результатом деятельности целой плеяды отечественных лингвистов, в число которых входит И. Р. Гальперин. Он утверждает, что для текстовой лингвистики понятие модальности является одним из основополагающих. «Отношение говорящего (пишущего) к действительности, постулируемое как основной признак модальности, в той или иной мере характерно для всякого высказывания. Поскольку отношение говорящего (пишущего) к действительности может быть выражено различными средствами – формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными, стилистическими – модальность оказывается категорией, присущей языку в действии, т.е. речи, и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса» [6, с. 113]. Вслед за М. Ю. Шведовой, И. Р. Гальперин разделяет модальность на объективно-модальное значение и субъективно-модальное значение. Объективно-модальное значение модальности представлено только в грамматической структуре предложения: «Из двух видов модальности – объективной и субъективной – первая вообще не свойственна художественному тексту. Более того, объективно-модальное значение чаще всего ограничивается только предложением» [Там же, с. 122]. Субъективно-модальное значение, по-видимому, отождествляется И. Р. Гальпериным с субъективно-оценочной модальностью, которая разделяется им на фразовую и текстовую: «Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяемых особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [Там же, с. 116]. Кроме того, наиболее прямым средством, реализующим модальность в предложении, является, по мнению И. Р. Гальперина, эпитет [Там же, с. 117].

Во всей вышеописанной концепции обращает на себя внимание то, что автор допускает терминологическую небрежность. В частности, им абсолютно не поясняется понятийное различие или сходство категорий «субъективно-модальное значение» и «субъективно-оценочная модальность». Из его рассуждений не следует, в какой именно момент в категорию модальности привходит критерий оценочности. Если предположить условную тождественность этих понятий, то разделение модальности на объективную и субъективную

потребуется, по принципу симметрии, введения категории объективно-оценочной модальности. Однако эта категория у И. Р. Гальперина не присутствует, ибо указанная категория содержит внутри себя логическое противоречие, что приводит к аннигиляции ее внутреннего смысла. Тем не менее введения этой категории требует логика самого применяемого им терминологического аппарата. Другими словами, для того чтобы система категорий работала на уровне композиции, необходимо ввести понятие, начисто лишенное сущностного содержания, т.е. пустую абстракцию – объективно-оценочную модальность. Но в языке такие категории неприменимы. И, следовательно, вся система категорий, выстраиваемая Гальпериним, будет несостоятельной или на сущностном, или на композиционном уровне. Помимо этого, представляется неоправданным смещение акцента исследования на субъективно-модальное значение, что создает ложное представление о некоей иерархии внутри самого понятия модальности, что совершенно исключено. Кроме того, у Гальперина отсутствует четкая номинальная дефиниция самого понятия текстовой модальности. На это указывает О. С. Бочкова в статье «Модальность как фактор формирования текста»: «Модальность как текстовую категорию впервые обозначил И. Р. Гальперин. Не вводя дефиницию, он представил сущность категории модальности текста через ряд признаков» [5]. Недостаточно обоснованным представляется также концептуальная позиция Гальперина о модальности как текстовой категории. Текст не обладает постоянной жесткой логической структурой, к которой в принципе применима модальная аналитика. Ему присущи морфологические признаки, никак не определяющие его сущность, и поэтому модальный анализ текста дает в лучшем случае только типологию его акциденций.

В функциональной грамматике Е. И. Беляева выделяет следующие субмодальности:

1. Внутренняя модальность, которая означает отношение говорящего к реализации действия и учитывает такие факторы, как способность, готовность, обязанность, разрешение.

2. Объективная модальность выражает оценку говорящим вероятности осуществления действия и может быть, в свою очередь, разделена на две области:

а) эпистемическая объективная модальность, выражающая значения по градации Уверенность-Вероятность-Невозможность-Невероятность-Невозможность;

б) деонтическая объективная модальность с градацией Обязательность-Допустимость-Разрешенность-Недопустимость-Запрещенность.

3. Эпистемологическая модальность, которая характеризуется наличием модальных показателей личного убеждения говорящего в истинности высказывания.

4. Субъективная модальность (говорящий отвечает за содержание высказывания и указывает степень своей уверенности в его истинности).

5. Эвиденциальная модальность (говорящий оценивает содержание высказывания в соответствии со способом, которым была получена информация (доказательства, личный опыт, через третье лицо)) [3].

Указанная классификация при всей внешней стройности демонстрирует отсутствие единого внутреннего критерия, на основании которого возможно разведение этих типов. Все атрибуты, приписываемые Е. И. Беляевой модальности, никак не связаны единым семантическим полем, так как взяты произвольно из различных областей философии и логики. Таким образом, в этой типизации нарушены все принципы таблицы категорий, сформулированные Аристотелем и Кантом. Кроме того, аппарат строго логического модального анализа неприменим в сфере языковой семантики.

В рамках функционально-семантического подхода к трактовке категории модальности в английском языке наше внимание привлекла также классификация, предложенная М. В. Зайнулиным, в которой он приводит следующую типологию: 1. Модальность действительности означает, что содержание высказывается с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности: субъект воспринимает сообщаемое как реальный и достоверный факт. 2. Модальность недействительности, наоборот, означает, что содержание сообщаемого не соответствует объективной реальности, субъект воспринимает сообщаемое как не реальное, т.е. как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т.д. Модальность недействительности подразделяется на следующие семантические виды: модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность); модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность); предположительная (гипотетическая) модальность; побудительная (императивная) модальность; модальность намерения (интенциональная модальность); желательная (оптативная) модальность [7].

Указанная классификация, наряду с очевидными преимуществами, такими, как разделение модальности на действительную и недействительную, рассмотрение возможности и необходимости как вариантов модальности и корректная методология дифференциации ее видов, также допускает ряд неточностей. Во-первых, достаточно подробно рассматривая модальность недействительности и выделяя в ней большое число разновидностей, он представляет модальность действительности как некую лишенную частей единую сущность, упуская из виду, что динамичность и разнообразие реального универсума обязательно находят свое отражение в языке. Во-вторых, М. В. Зайнулин не замечает разницы между понятиями «реальное» и «действительное», поскольку остается в рамках сугубо лингвистического стиля мышления и соответствующей ему методологии. Обращает на себя внимание также необоснованное выделение типов модальности недействительности помимо необходимости и возможности, ибо все остальные выделяемые им типы могут быть редуцированы к вышеуказанным: желательное и предположительное сводится к возможности, а императивное и интенциональное – к необходимости.

Модальность в трактовке Ш. Балли выступает как синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы, обозначающие суждение говорящего о предмете речи.

Он говорит о модальности как о «коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [2, с. 44]. В число модальных значений Балли включает самые различные оттенки суждения, чувства или воли, которые выражаются модальными глаголами, наклонениями, интонацией, формами вопроса, приказаниями, модальными жестами, мимикой лица, междометиями и другими приемами, с помощью которых пробуждается и поддерживается внимание собеседника. Балли пишет: «Логическим и аналитическим выражением модальности служит модальный глагол (например, думать, радоваться, желать), а его субъектом – модальный субъект; оба вместе образуют модус, дополняющий диктум. Модальность... образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности. Модальный глагол, со своей стороны, может содержать самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [Там же, с. 45]. Ш. Балли определяет логическую функцию модальности как «выражение реакции мыслящего субъекта на его представление» [Там же, с. 234]. При этом к модальным глаголам Балли относит глаголы, содержащие в себе то, что логики называют утверждением там, где мы имеем дело с суждением (о факте или о ценности), например «думать», «радоваться» или «желать». Сочетание модального глагола с модальным субъектом (то есть субъектом модального глагола) образует модус, противопоставляемый диктуму [Там же, с. 44].

Терминология Ш. Балли вызывает целый ряд вопросов. Понятия, которыми он пользуется, давно известны из философии и логики. Однако Ш. Балли вкладывает в уже существующие термины значения, никак не соотносящиеся с уже исторически сложившимся пониманием данных терминов. Тем самым Балли нарушает принцип бритвы Оккама о неумножении сущностей без необходимости, на котором основана методология любого научного исследования вне зависимости от его специализации. Каждая дисциплина имеет свой собственный терминологический аппарат, и перенос его из одной области научного исследования в другую (феномен, который часто встречается в современной науке) должен быть, по меньшей мере, логически обоснован. Использование Ш. Балли логико-философского терминологического аппарата свидетельствует или о неспособности выработать самостоятельный терминологический аппарат, или об отсутствии в лингвистике тех проблем, которыми он занимается. Хотелось бы отметить, что выражение «душа предложения» могло бы быть уместным в доминиканском монастыре XIII века у какого-нибудь номиналиста, то есть в эпоху, когда значение слова “*anima*” имело вполне конкретный, а не художественный смысл, которым мыслители того времени широко оперировали. Однако в XX веке использование подобных выражений свидетельствует как минимум о беллетристическом характере работы, но никак о строго научном.

Общим методологическим приемом всех сторонников функционально-семантического подхода к модальности является использование формально-логического критерия классификации к семантической области языка. Между тем семантика любого слова обязательно имеет некий нелогицируемый и неформализуемый остаток, который выражает связь и единство слова как с той областью предметности, которую оно выражает, так и со всем языком в целом. Это означает, что язык не формализуем без остатка, если, конечно, пытаться сохранить его сущность.

Исходя из базовых значений модальных глаголов, сторонники функционально-семантического подхода к типологии модальности при дальнейшем ее анализе рассматривают исключительно ее семантическую составляющую, упуская из вида то, что она грамматически не маркирована. Но ведь именно грамматика и определяет модальность, так как только у базовых модальных глаголов имеется девять общих определяющих признаков, не встречающихся более ни в одной другой группе: отсутствие личных форм, динамическая позиция частицы “*to*”, невозможность образовать причастие, жесткая позиция внутри сказуемого и другие сугубо формально-грамматические характеристики. Указанные признаки свойственны только этой группе глаголов, что позволяет сделать вывод об их грамматической автономии. Из этого становится очевидным, что именно грамматика является для модальности атрибутивным признаком, в то время как семантика – это признак акцидентальный. Однако семантический подход к анализу модальности исходит из принципа построения синонимического ряда этих глаголов, который, как уже было показано ранее, невозможно верифицировать по строго логическому критерию. Кроме того, они начисто игнорируют грамматическую уникальность модальных глаголов, которая не может распространяться на весь бесконечный ряд условных синонимов. То есть, строго говоря, весь этот синонимический ряд можно назвать модальным только с изрядной долей допущения. Объединение какого-либо ряда феноменов в единую группу осуществляется при наличии у каждого из ее членов нескольких общих признаков, которыми свойства членов этой группы и будут детерминироваться. В случае с модальными глаголами это как раз должны быть грамматические признаки, но никак не сугубо семантические.

Общей проблемой понимания модальности в языкознании является ее определение как какого-либо отношения субъекта к ряду внешних событий. Если следовать классическому определению модальности, то получается, что это категория внутриличностная. В таком случае пропадает сам смысл любой попытки диверсификации модальности по каким-либо внутренним признакам, поскольку основание познания и основание мышления лежат вне субъективных восприятий. В этом случае придется отказаться от этого деления и признать, что модальность и субъективное отношение к событию никак не связаны. Отношение к событию никак не меняет самого события, поскольку структура языка не предполагает квантового перехода, как, например, в мире физических явлений. Классическое понимание модальности в лингвистике – это банальный солипсизм, наделение чертами субъекта объективного окружающего мира. Указанный тип мировоззрения был опровергнут философией еще в XVII веке такими мыслителями, как Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, П. Гассенди и многими другими.

Понимание модальности как отношения возможно, но только в рамках психологии, когнитивистики, нейрофизиологии, философской антропологии, т.е. в рамках тех дисциплин, которые признают взаимосвязь

событий объективного мира и действующего в нем субъекта, но никак не в рамках лингвистики, которая с необходимостью признает язык как надличностный феномен.

Языковая модальность – это не форма выражения отношения субъекта к событию. Это – форма отражения события в языке. Поскольку событие или явление всегда однократны, то, безусловно, язык представляет нечто большее по отношению к нему и, как следствие, отражает не только реальность события, но и все его возможные модуляции – каким оно могло бы быть, каким оно должно бы быть, как к нему относятся, к каким оно само относится, в том числе и отношение деволонтированного (обезволенного) индивида. То же, как относится к событию сам переживающий его реципиент, не может называться модальностью, поскольку палитра психоэмоциональных состояний человека, проявляемых им по отношению к внешнему миру, не имеет и не должна иметь специального названия в лингвистике, поскольку не является предметом ее рассмотрения. Отношение человека к событию не является проблематикой лингвистики, поскольку это не грамматическая, не синтаксическая, не семантическая категория. Как следствие лингвистика не располагает соответствующим феномену терминологическим аппаратом. Этим и объясняются многочисленные заимствования терминологического аппарата из других наук, сопровождающиеся попыткой вложить в них какой-либо лингвистический смысл. Например, традиционное разделение модальности на экзистенциальную и эпистемическую, сформулированное еще Абеляром, в традиционном языкознании не продуктивно, поскольку язык констатирует форму существования вещи, то, как она представлена, а не сам факт ее наличия. Между тем совершенно очевидно, что одна из главных задач языкознания как науки сугубо описательной заключается в анализе языковых средств выражения феномена, а не в раскрытии его сущности. Такова двойственная природа любого явления, которое раскрывается методологией “*quo est et quod est*”. Сначала исследуется что есть вещь (“*quo est*”), а потом то, как она представлена в мире (“*quod est*”).

Применяя эту методологию к проблеме модальности, мы приходим к выводу, что за раскрытие сущностных ее аспектов отвечает философия, а за средства ее выражения в языке – лингвистика. Таким образом, эта двойственность феномена модальности, позволяющая рассматривать его в различных дисциплинах, придает ей эквивокативное значение, а единство проблемного поля, складывающееся из множества атрибутов – истинных и ложных, – сообщает этой эквивокации субсистентный статус. Кроме того, теоретико-методологические основания, предложенные авторами, позволили установить и обосновать аподиктическую достоверность сугубо грамматического подхода к анализу модальности в языке, так как только такой подход обеспечивает внутреннее единство категории модальности в философии и лингвистике без противоречия.

Список источников

1. **Абеляр П.** Цитаты, афоризмы, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.info/man/per-abelyar> (дата обращения: 28.03.2019).
2. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е. В. и Т. В. Вентцель. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 416 с.
3. **Беляева Е. И.** Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. 180 с.
4. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / под ред. А. П. Прохорова. СПб.: Норинт, 1997. 6124 с.
5. **Бочкова О. С.** Модальность как фактор формирования текста [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/bochkova.pdf: (дата обращения: 18.03.2019).
6. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
7. **Зайнулин М. В.** Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986. 123 с.
8. **Лейбниц Г. В.** Новые опыты о человеческом разумении [Электронный ресурс]. URL: <http://leibniz.filosoff.org/tvorchestvo/povue-orutu-o-chelovecheskom-razumenii/> (дата обращения: 18.03.2019).
9. **Лейбниц Г. В.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1989. Т. IV. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла. 554 с.

MODAL ANALYTICS AS A CATEGORY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHY AND ENGLISH PHILOLOGY

Yurovitskaya Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Technical University
yuro-lari@mail.ru

Yurovitskii Stanislav Vital'evich, Ph. D. in Philosophy
Samara State Oblast Academy (Nayanova)
yustas79@yandex.ru

The article examines the category of modality in philosophy and modern linguistics. The authors provide a survey of linguistic theories of modality paying special attention to debatable methodological issues of the existing typologies. The ultimate foundations of modality are analysed with a view to develop a cardinal new understanding of this category in linguistics. The paper suggests a methodology of modal typology in language basing on the classical understanding of modality in philosophy. The findings allow concluding on equivocal nature of philosophical and linguistic methodology for solving adjacent tasks of substantial nature.

Key words and phrases: modality; language; linguistic semantics; objective world; possibility; reality.